

Сергей Шишков

**Отступать
дальше
некуда**

*Это книга
о ленинградском
поэте Юрии
Борисове*

Сергей Шишков

**Отступать дальше некуда.
Это книга о ленинградском
поэте Юрии Борисове**

«Издательские решения»

Шишков С. И.

Отступить дальше некуда. Это книга о ленинградском поэте Юрии Борисове / С. И. Шишков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853815-5

Это книга о ленинградском поэте Юрии Борисове. Жизнь была для него огромным испытанием, преодолевая которое, он находил темы для своих стихов и песен. О его жизни мало кто знает, но его песни в магнитофонных записях в 70—80-е годы украдкой слушали тысячи людей, сидя где-нибудь в ленинградских коммуналках и общежитиях. Тогда он сочинял навсегда ушедшей эпохе новые гимны. Хочется, чтобы имя этого замечательного поэта открылось современному читателю и слушателю.

ISBN 978-5-44-853815-5

© Шишков С. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Злая осень врасплох нас застала	8
Эх, друг, гитара	13
Их жизнь романсами согрета	16
Разбросал я себя по России	21
Первая любовь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Отступить дальше некуда Это книга о ленинградском поэте Юрии Борисове

Сергей Иванович Шишков

© Сергей Иванович Шишков, 2017

ISBN 978-5-4485-3815-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор книги Шишков Сергей Иванович

Юрий Аркадьевич Борисов, поэт и композитор

От автора

*«Мы помянем ещё не раз,
как ты душою зла не ведав,
романса русского не предав,
гитару обнял в смертный час»*

В. Кругликов

Эта книга о малоизвестном русском поэте Юрии Аркадьевиче Борисове, творчество которого будоражило души людей, живших в шестидесятых-восьмидесятых годах двадцатого века.

При жизни официального признания он не получил, но его стихи и музыка дошли до слушателей через проникновенное исполнение их его другом певцом Валерием Агафоновым, дружба и творчество которых были неразрывно связаны между собой.

В этой книге изложены некоторые сведения его непростой жизни, преодолевая испытания которой, он находил темы своих стихов.

Кроме того, здесь впервые наиболее полно собраны его стихи и дан анализ их содержания.

Очень хочется, чтобы имя этого замечательного поэта открылось современному читателю.

Злая осень врасплох нас застала

Поэзия и музыка, как мне кажется, спускается к нам с небес, откуда какая – то неведомая высшая мудрость вкладывает образы и мысли в уста избранных людей, испытывавших на земле муки сомнений, выявляя у них краски таланта и направляя их по тому или иному творческому руслу.

Юрий Аркадьевич Борисов и был одним из тех самых небесных избранников, у которого вся история жизни и творчества подтверждает эти слова.

О его жизни мало кто знает, но его песни в семидесятые – восьмидесятые годы двадцатого столетия многие слушали украдкой в магнитофонных записях, сидя тесным кругом где-нибудь в общежитиях или питерских коммуналках.

Он сочинял навсегда ушедшей эпохе новые гимны, живя свободой творчества, не подвластной советской идеологии.

К сожалению, Юрий не оставил нам никаких воспоминаний о своей жизни, история которой в этой книге собиралась по разноречивым рассказам знавших его людей.

Немногочисленные фотографии в чёрно-белом изображении показывают его в разных видах, среди которых трогательно выделяются особенно детские.

Мама Мария Павловна со своими детьми Юрой и Олей

На одном из фото его шестилетнего возраста, сделанном в Ленинграде, Юра изображён среди семьи, рядом с мамой Марией Павловной и четырёхлетней сестрёнкой Олей, смотрящими на мир с обострённой чувствительностью.

Родился он 4 ноября 1944 года не в Ленинграде, родном городе его мамы, а в Уссурийске Приморского края, потому что в самом начале войны Мария Павловна была мобилизована из Ленинграда в город Вязму, где познакомилась с Петровым Аркадием Филипповичем, будущим отцом Юрия, увёзшим её на Дальний Восток.

В 1947 году двадцатисемилетняя Мария Павловна вместе с трёхлетним Юрой и годовалой дочерью Олей возвратилась в Ленинград к своим родителям, проживавшим в коммунальной квартире на Большом проспекте Петроградской стороны в доме 19, где занимали две комнаты.

В меньшей четырнадцатиметровой комнате проживала незадолго до этого вышедшая замуж за Василия Давыдова её сестра Людмила, в другой восемнадцатиметровой комнате жили её мама Ольга Григорьевна Борисова-Хомченко, папа Павел Владимирович Борисов с сыновьями Леонидом и Виктором, переживших в ней ленинградскую блокаду.

Тогда Ольга Григорьевна своему мужу, служившим на Балтийском флоте интендантом, сказала так:

– Мы все здесь вместе и, если уж суждено, то и умрём вместе.

Дом 19 на Большом проспекте ПС

Родители и дети сумели выжить, но без потерь не обошлось: умерла от голода и холода мама Ольги Григорьевны Анна, Гапуся, как они её называли.

Теперь к ним в эту квартиру возвратились и ещё трое родных для них людей. Пришлось потесниться, хотя места и для них самих не хватало.

Со временем у сестры и братьев родились свои дети и места в квартире для Юры и Оли практически не осталось. Мария Павловна ходила по разным инстанциям с просьбой о выделении им комнаты, но результата не добилась.

Трудности материального положения заставили её на время отправить Юру к родственникам отца в деревню, а дочь Олю определить в дом малютки.

Вот как об этом периоде их жизни вспоминает будучи взрослой женщиной сама Ольга:

«Через какое-то время она (мама) заболела и попала в больницу, где ей сделали операцию на лёгких. В тот момент нас в первый раз разлучили. Юре тогда было 3—4 года... Меня отправили в дом малютки, а его – к родственникам отца, в деревню под городом Вязьма. Он приехал обратно уже совсем другим ребенком: из послушного, воспитанного мальчика, превратившись в деревенского хулигана».

Выйдя из больницы, Мария Павловна о своём бедственном положении написала в Москву самому К. Е. Ворошилову, бывшему тогда с марта 1953 года по май 1960 года председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Ответ маршала подействовал на чиновников исполкома городского совета положительно, и им выделили маленькую комнатку на окраине города в пять квадратных метров в общежитии в районе «Щемиловка», располагавшемся на левом берегу Невы к югу от Невской заставы у Володарского моста.

«Некоторое время мы с мамой были прописаны в этой маленькой комнате, а в 53—54 годах (не помню точно) у тётки моей мамы Анны Григорьевны погибает сын, и она прописывает нас с мамой к себе в комнату на Малой Посадской, д. 6. Юра тогда уже был в детдоме», – вспоминала Ольга Васильевна.

Дом №6 на Малой Посадской улице

Так они переехали жить в исторический центр Ленинграда, где совсем рядом располагалась Петропавловская крепость, знаменитый домик Петра Первого и Троицкая площадь, первая в Петербурге.

Мария Павловна поступила на работу кондуктором трамвая, но, несмотря на это, маленькая зарплата да ежемесячное пособие матери-одиночки на двоих детей по семь рублей пятьдесят копеек не спасали детей от нищеты.

Не имея возможности содержать мальчика, мама оставила Юру в детском доме Ждановского района.

Сохранившееся фото пятилетнего Юрия, по всей видимости, изображает его в детдомовской шапке и зимнем пальто на вырост.

Фото Юры. 1950 год

Марию Павловну устраивала не только материальная сторона его пребывания в детдоме, ведь он там был всегда накормлен и одет, но и то, что детский дом располагался на Каменном острове недалеко от места жительства его семьи.

В него, как правило, помещали детей блокадников, попавших в трудное материальное положение, и детей родителей, репрессированных по Ленинградскому делу 1949 года.

В 1951 году Юра пошёл в первый класс школы №89, находившейся на Большой Посадской улице.

Учась в третьем классе этой школы, он написал свои первые стихи, отослав их в газету «Ленинские искры». По всей видимости, они были по-детски наивными, так как ответ пришел с отрицательным отзывом, но тяга к искусству проявилась уже тогда.

Ольга Васильевна вспоминает:

«У нас дома, на стенах, висели огромные репродукции картин разных художников в багетах. Одна из них называлась „Купание царевны“. Там была изображена обнажённая блондинка с диадемой в волосах, сидящая на берегу озера. И однажды Юра на уроке рисования, когда была задана свободная тема, изобразил карандашный набросок с этой картины, за что подросток тринадцати лет получил оценку „четыре с плюсом“ за исполнение и выговор за тему рисунка».

Учился в школе Юра средне, его мало интересовали физико-математические предметы, но был любознательным и очень любил читать книги.

А ещё Юрий любил уединение. О чём он размышлял в тишине, остаётся загадкой. Однажды его двое суток искали всем детским домом, найдя на островке в прудах Каменного острова.

Восемь классов он всё же закончил, и вместе с другими детдомовцами поступил в ремесленном училище по специальности токаря-револьверщика.

Однако, продолжить обучение в ремесленном училище он не смог, так как уже в четырнадцать лет оказался в исправительной колонии для несовершеннолетних подростков. Детдомовское детство без родительской ласки и строгого отцовского воспитания толкнуло его на необдуманный проступок.

Юре 13 лет

И хотя он был малозначительный, но суровые послевоенные законы не посчитались с этим.

Гуляя вместе с друзьями по паркам Каменного острова, Юра увидел оставленный кем-то новенький велосипед.

Можно представить себе, как загорелись детские глаза от появившегося желания прокатиться. Первым у велосипеда оказался он, пронёсшись по дорожкам парка, возможно, в первый раз ощутив на себе необыкновенное чувство свободы.

Потом катались и другие, но вся вина за похищение велосипеда легла на него, за что получил два года исправительных работ в колонии для несовершеннолетних детей. Его отправили в город Липецк, где его высокого ростом подростка использовали на вредном металлургическом производстве.

Когда он вернулся домой, то все родственники ужаснулись, увидев его чёрную в рывинах и копоту спину.

Пришлось прибегнуть для лечения к различным мазям и компрессам.

К сожалению, исправительные лагеря ещё никого не исправляли, поэтому весь дальнейший путь его жизни был в ещё большей степени испорчен приобретёнными там навыками лагерных привычек.

Конечно, перед ним почти взрослым человеком был выбор: можно было окончить ремесленное училище, получить рабочую профессию и сделать трудовую деятельность смыслом жизни. Но он избрал другой путь: увёл себя в беспечную вольную, но нищенскую жизнь и линию поведения, идущую в разрез с общественным советским строем.

Юрий ещё не осознавал тогда, какую трудную дорогу ему предстоит пройти.

Появились новые друзья, пристрастившие его к спиртному, и дело дошло до того, что однажды ночью они даже взломали винный ларёк. Распивать вино стали прямо здесь же возле ларя на скамеечке, куда и подъехали стражи порядка, забрав их всех в милицию. Потом был допрос и суд, по приговору которого Юру за кражу осудили уже на четыре года, отправив в новую исправительную колонию.

После возвращения из мест заключения, необходимо было в течение шести месяцев устроиться на работу, как это предписывалось законом, и Юра оказался под пристальным надзором милиции.

«Если в районе происходило какое-либо криминальное происшествие, то „фараоны“, как тогда они называли милиционеров, сразу же приходили к нам на Малую Посадскую даже ночью, будя всю нашу коммуналку. Но всегда через несколько часов, проверив факты на причастность Юры к тому или иному преступлению, отпускали его. Вот такая была „веселуха“, а я тогда училась в пятом классе школы», – рассказывала сестра Ольга.

Юра пытался устроиться на работу в гастроном, на завод «Красногвардеец», рынок «Ситный», в парикмахерскую, кинокопировальную фабрику, но нигде долго не задерживался, потому что, любя свободу, он не мог понять, как люди могли работать от гудка до гудка.

Эх, друг, гитара

В начале шестидесятых годов у него появилась одна, но пламенная страсть: любовь к гитаре.

Вот что рассказала о его первых гитарах Ольга Васильевна:

«Дома у нас висела семиструнка. На ней мама аккомпанировала и неплохо пела романсы и популярные песни. Юра переделал её на шестиструнную. Гитара была очень простая, маленькая. Мама играть на шестиструнке не умела, поэтому очень ругала брата. А потом, когда Юру посадили, ещё подростком, он попросил меня, чтобы я ему выслала ноты самоучителя и купила новый инструмент. Я ему купила шестиструнную гитару, простенькую и недорогую, и всё это передала на общем свидании, так что он там был при деле. И затем после этого я неоднократно по его просьбе выслала ему бандеролями на зону сборники гитарных пьес».

Благодаря игре на гитаре, он уже в юношестве стал среди сверстников необычайно популярным.

Серьезное же увлечение гитарой возникло у него, благодаря знакомству с талантливым гитаристом Ковалевым Александром Ивановичем.

В начале шестидесятых годов Юрий услышал его игру на концерте в одном из клубов Ленинграда. Завороженный виртуозностью и красотой извлекаемых звуков, молодой человек подошёл к музыканту и попросил разрешения дать ему несколько платных уроков игры на гитаре. Александр Иванович согласился, но после нескольких занятий, увидев, с каким усердием его ученик занимается и осваивает предложенный им гитарный материал, перестал брать с него плату. Юрий трудился упорно, занимаясь освоением техники игры по шесть – семь часов в день. Ему захотелось учиться дальше, для чего и поступил на заочное отделение композиции института культуры, который, к сожалению, не окончил.

В эти же годы он старался не пропускать ни одного концерта знаменитых гитаристов, приезжавших в город на гастроли.

К тому же периоду середины шестидесятых годов относится и его преподавательская работа в кружках при домах культуры, на платных курсах для взрослых в Ленинградском доме художественной самодеятельности и Театре народного творчества, где он обучал молодых ленинградцев игре на классической шестиструнной гитаре, сам совершенствуясь в игре.

Эта работа не приносила ему больших доходов, но зато оставляла много свободного времени для занятия любимым делом.

Тогда же Юрий с обострением болезни печени попал в больницу, где познакомился с музыкантом ленинградского государственного театра оперы и балета имени С. М. Кирова Дмитрием Тосенко, оказавшемся тоже в больничной палате.

Через Дмитрия Юрий познакомился с Валерием Агафоновым, ставший впоследствии его лучшим другом и соавтором ряда произведений.

Их сдружила молодость, вольность неустроенной жизни и стремление к познанию искусства, где их общей любовью стала гитара, над овладением которой они потом часами просиживали в коммунальной квартире на Малой Посадской улице.

Юра, прекрасно освоивший технику игры на гитаре, стал учить этому и Валеру.

Однажды, Дима Тасенко принёс на квартиру Юры тяжёлый чемодан, в котором были старинные дореволюционные ноты популярной певицы Екатерины Вяльцевой, ставшие для гитаристов настоящим музыкальным кладом. Юра с Валерой долго разбирали их, знакомясь с произведениями великих композиторов и гитарной музыкальной классикой.

Юрий научился перекладывать для гитары музыку великих композиторов, появились и первые гитарные пьесы собственного сочинения.

Его игра на гитаре стала почти профессиональной: он легко извлекал сложные аккорды, развил беглость пальцев рук так, что друзья завидовали ему и стремились научиться играть на гитаре так же, как и он.

У некоторых это действительно получалось, особенно у Валерия Агафонова.

Тогда же жители коммуналки на Большой Посадской улице слышали и необыкновенный голос Валерия Агафонова.

Был у них и ещё один друг, побуждавший их полюбить гитару, студент Высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухиной Виталий Климов, который ввёл их в таинственный процесс создания гитар.

Мастерскую создали прямо на квартире у Виталия, где выполнялись все операции по изготовлению конструкции вплоть до готового инструмента.

Сфотографировав всю конструкцию и мелкие детали гитары известного испанского мастера из Барселоны Игнацио Флета, студент Климов по деталям узнавал, какие материалы использовать, в какой последовательности и какими инструментами их делать и соединять.

Борисов и Агафонов с большим любопытством наблюдали за его работой и всячески способствовали успеху.

Материал для гитар требовался дорогой в виде палисандра, ореха, ели, черного или красного дерева, для чего Юрий устроился на фабрику струнных щипковых инструментов имени Луначарского. Когда достать нужное дерево не удавалось, они все вместе ходили по расселённым домам, где искали оставленные старые шкафы и музыкальные инструменты, состоявшие из ценных пород деревьев.

У друзей было огромное желание совершить чудо рождения новой гитары. И результат был достигнут. Был создан их первенец – классическая гитара, на которой Юрий Борисов, лучший гитарист среди них, сыграл первым.

Надо сказать, что эта гитара была показана преподавателю по классу гитары музыкального училища им. М. П. Мусоргского Ядвиге Ковалевской, которая, проиграв на ней несколько музыкальных произведений, оценила её, как «вполне пригодную».

Потом Виталий Климов сделал трапециевидную гитару с лютневым звуком, причём Юрий Борисов был духовным вдохновителем этого действия.

Мастер с его слов «вникал в неё так, что буквально сам делался гитарой, чтоб понять её конструкцию». Почти три года затратил он на её изготовление, практически вытачивая, клея и собирая, чтобы вручить новое своё изобретение Юрию Борисову. И музыкант по достоинству оценил качество звучания гитары.

Юрий Борисов с гитарой Валерия Климова

Позже гитара досталась Агафонову, который увёз её в Вильнюс, чтобы играть на ней в зале Малого драмтеатра, куда был принят в качестве артиста.

Необычное звучание гитары сопровождалось у него и своеобразным ритуалом: перед выходом артиста на сцену гитара уже стояла на подставке, возле которой по обеим сторонам горели свечи. Валерий Агафонов выходил, брал гитару и при горевших свечах начинал петь.

Это видел Юрий Борисов, будучи у него в гостях.

Играл он на ней до тех пор, пока не попал в автомобильную аварию, в которой трапециевидная гитара спасла Валерию жизнь, хотя в результате аварии «от неё одни щепки остались».

Каждая гитара, сконструированная Виталием Климовым, имела свою особую судьбу, потому что все они побывали в руках талантливых людей и доставили музыкальную радость не одной тысяче поклонников музыки.

Третью гитару, созданную Виталием Климовым, Юрий Борисов представил Марии Луизе Анидо, замечательной аргентинской гитаристке, «гитарной леди», как её называли во всём мире.

В 1965 году она с успехом выступала в Ленинграде в концертном зале у Финляндского вокзала. Возможно, тогда молодые люди и рискнули показать ей свои гитары, получив от неё высокие отзывы о качестве звучании и исполнительском мастерстве Борисова.

На последней четвёртой гитаре с романтическим именем «Джульетта», изготовленной Климовым, долгое время играл Валерий Агафонов, после смерти которого, дальнейшая её история канула в неизвестность.

Их жизнь романсами согрета

К написанию песен Борисова подвигла встреча, организованная Валерием Агафоновым, с молодым вильнюсским поэтом и автором музыки к своим стихам Юрием Григорьевым.

В 1968 году Агафонов пригласил Юрия Борисова поехать с ним в Вильнюс, в котором жила его жена Елена Бахметьева и много друзей, среди которых оказались и поэты. Агафонов и познакомил Юрия Борисова с поэтом Юрием Григорьевым, писавший, как ему казалось, нестандартные песни.

Незадолго до этого тот издал сборник своих стихов, что делало нового поэта заметной фигурой в кругу творческих личностей.

Для Борисова эти стихи явились толчком в поэтическое творчество, и две песни из этого сборника ему особенно понравились.

Одна из них «Расскажу тебе, спою про метель», исполненная Валерием Агафоновым, была воспринята очень тепло, хотя стихи были простыми по смыслу: осень в виде отставшего от стаи журавля тревожили душу, навевали щемящее чувство тревоги.

Возможно, образ одинокого журавля и был воспринят Борисовым, как ассоциация на самого себя. Приведём эти стихи полностью.

Расскажу тебе, спою под метель,
Если сердце просит.
Вот отстал от стаи журавель,
В хмуром небе осень.
Над полями плывут облака,
Ветер листья носит.
До чего ж черна и высока
Над полями осень.
Мой охотник, не стреляй в журавля,
Одинок он очень.
Велика под крыльями земля,
Только в крыльях осень.
Ну, а впрочем не жалею, подстрели,
Пусть снежком заносит.
Ведь пока в хмуром небе журавли,
Не проходит осень.

Вторая песня Юрия Григорьева «Пятый год» захватила Борисова ещё больше.

Пятый год. Эсеры жгут хлеба —
Сад и нивы в заревах багряных.
А в часовне тихой свет лампад —
Молится захожий божий странник.
Теплая сусальная земля —
Взгляд к тебе слетит полночной птицей.
За холмом солдаты пропылят.
Мурава росой задымится.
По стерне ушел и скрылся в лес
Поджигатель – дылда босоногий.
Чутким шагом, не зашелестев,

Я за ним скользну ночной дорогой.
С ним, как зверь в ольшанике густом,
К роднику студеному приникну.
Ключ в тумане, словно молоко,
Из земли, из груди материнской.
Счастлив тот, кто после страшных дел
К матери вернулся, как младенец.
Мир часовням в дремлющей листве,
Саду мир и беспокойным теням.
Только б Третий Рим горел дотла —
С кесарем любим его не жалко.
Только б ты душа моя, душа,
До рассвета радостью дышала.

И хотя ни Григорьев, ни Борисов никогда не были даже знакомы с участниками бело-гвардейского движения, эта тема их творчества обоим оказалась близка их духу.

Знакомство со стихами Юрия Григорьева и многолетняя дружба с Валерием Агафоновым заставили Юрия Борисова всерьез обратиться к авторской песне.

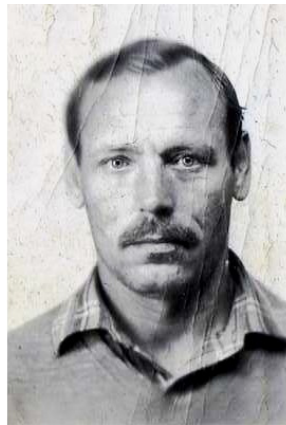

Фото Юрия, ему 28 лет

Песня «Всё теперь против нас...», сочинённая Юрием Борисовым в 1967—1968 годах, стала ответом вильнюсским поэтам, а также главной темой в его творчестве.

Жаль, что невозможно описать красоту и силу музыки этой песни, которая с особым трепетом была воспринята Агафоновым, голос которого, тёплый и нежный, полный любви и страдания, подкреплённый пронзительными и тревожными звуками гитары, передавал просто и непринуждённо сложнейшие переживания поэта.

В её звучании слышится и не находящая разрешения тоска, и осознание высшей ценности мгновений, где просыпается дух, озаряется чувство, как высший смысл божественной природы перед ощущением грядущей катастрофы.

Одна из почитательниц их творчества Валентина Гуркаленко оставила свои впечатления от услышанной песни такими словами:

– А когда Агафонов запел «Белую песню», моё сердце, словно лезвием надрезали, и рубец этот до сих пор не заживает. Я сидела и плакала, и другие тоже.

Приведём текст полностью и попытаемся понять поэтический смысл этих замечательных стихов.

Всё теперь против нас, будто мы и креста не носили.
Словно аспиды мы басурманской крови,
Даже места нам нет в ошалевшей от горя России,
И Господь нас не слышит – зови не зови.
Вот уж год мы не спим, под мундирами прячем обиду,
Ждем холопскую пулю пониже петлиц.
Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду,
И предали анафеме души убийц.
И не Бог и не царь, и не боль и не совесть,
Все им «тюрьмы долой» да «пожар до небес».
И судьба нам читать эту страшную повесть
В воспалённых глазах матерей да невест.
И глядят нам во след они долго в безмолвном укорё,
Как покинутый дом на дорогу из тьмы.
Отступать дальше некуда – сзади Японское море,
Здесь кончается наша Россия и мы.
В красном Питере кружится, бесится белая вьюга,
Белый иней по стенам московских церквей,
В белом небе ни радости нет, ни испуга,
Только скорбь Божьей Матери в белой лампадке ночей.

Очень сильное эмоциональное состояние передают метафорические образы, созданные автором.

В них заложены спрессованные чувственные сочетания тягостного состояния безысходности, в котором находились бойцы Белой Армии.

Юрий Борисов рисует огромное, словно взволнованное море, пространство растревоженной страны от «красного Питера» до Японского моря, эмоционально усиленное образом «Отступать дальше некуда – сзади Японское море, Здесь кончается наша Россия и мы», где акцент делается на слове «наша», то есть на невозвратное родное, навсегда ушедшее время.

Автор, словно шифровкой, помечает время действия этой трагической истории гражданской войны в России: «Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду».

Известно, что Тобольск с 13 августа 1917 года по 13 апреля 1918 года был местом ссылки последнего русского царя и его семьи. Годовщина этого события была отмечена панихидой – церковной службой по умершему царю, где были преданы анафеме – проклятию «души убийц».

Перед нами по воле автора выразительными штрихами предстаёт «ошалевшая от боли Россия», которая «под мундирами прячет обиду», ждёт «холопскую пулю пониже петлиц», где видны «воспалённые глаза матерей да невест» и «покинутый дом на дорогу из тьмы».

Приводится и сильное с нарастающим чувством покинутых на смерть людей сравнение «Словно аспиды мы басурманской крови», звучащее приговором новой власти, как разрушителям веры и родины, где аспиды – ядовитые змеи, а басурманы – люди, не принадлежащие в христианской вере.

Вся первая строфа стихотворения состоит из картины событий, где не изображено ни одно конкретное лицо. Используя местоимения «нас», «мы», «нам», автор настойчиво указывает на множественность страдающей армии, заставляя тем самым читателя представить себе загнанное в тупик огромное войско.

Далее этот трагизм усиливается ещё больше, захватывая пространство всей огромной страны, «ошалевшей от горя России». Но и этого мало. Для раскрытия темы используется вселенское трагическое восприятие: «И Господь нас не слышит, зови, не зови».

В дополнение к этому состоянию внутренний трагизм раскрывается в медленном движении времени. Оказывается, что «вот уж год мы **не спим**», «под мундирами **прячем** обиду», «**ждём** холопскую пулю пониже петлиц». Автор не случайно указывает место «пониже петлиц», то есть в самое сердце.

Он далее как бы шагает по стране от Питера до Японского моря и, являясь наблюдателем, извещает «как Тобольск отзвонил по царю панихиду», как «предали анафеме души убийц».

Юрий Борисов хорошо знал историю царской семьи Николая Второго. Бывая в Царском Селе, он гулял возле Александровского дворца, последней резиденции царской семьи.

В стихотворении отражена и другая сторона «красного Питера», представшая перед ним как свободная стихия анархии, уничтожившая устои старой жизни, у которой в чести «И не Бог, и не царь, и не боль, и не совесть», а «всё им «тюрьмы долой» да «пожар до небес».

Оценка автора этих картин однозначна и заключена в словах:

– «И судьба нам читать эту страшную повесть

В воспалённых глазах матерей да невест».

Но вот ещё деталь, рисующая ушедшую жизнь этой некогда «белой» силы.

На пространстве России она «кружится» и «бесится» в образе «белой вьюги», «в красном Питере» она движется в виде «белого инея», а в Москве – ползёт «по стенам московских церквей».

Автор молитвенно уносит нас и в вышину, где «в белом небе ни радости нет, ни испуга, только скорбь Божьей Матери в белой лампадке ночей».

Если сравнивать стихи Григорьева «Пятый год» и Борисова «Белая песня», то картины Борисова видятся масштабнее, точнее, образнее и выразительнее. Это настоящий гимн безнадежности и обречённости.

Хочется задать вопрос: откуда же у двадцатичетырёхлетнего автора появилось такое понимание этого далёкого от него мира – трагического состояния русской белой армии?

Ответ нашёлся сам собой в одной из публикаций.

– Почему вы о белогвардейцах свои песни пишете? – спросили однажды у Борисова.

– А я был там... – ответил он.

Ответ был воспринят, как не слишком удачная шутка – ни в какой белой армии Борисов не мог быть. Но он ведь не Белую армию и имел в виду.

Его «там» – означало не пространство, не время, а состояние безвыходности, в котором подобно ошалевшим от горя белогвардейцам, находился и сам Борисов.

А то, что стихотворение получилось ёмким и образным виноват его талант как поэта. Оно стало программным во всём его творчестве.

На одном из концертов Юрий Борисов о своей «Белой песне» так сказал:

– Эту песню я никому не посвящаю. Эта песня предназначена всем. Это наша история.

С рождения этой песни Борисов стал и поэтом, и композитором.

Она стала программной и в творчестве Валерия Агафонова, который первым и исполнил её в кругу своих друзей.

Фото Валерия Агафонова в 70-е годы

С этого времени между Юрием Борисовым и Валерием Агафоновым сложилась настоящая творческая дружба, где Юрий показал себя зрелым поэтом и композитором, а Валерий Агафонов выдающимся исполнителем его песен.

Разбросал я себя по России

Юрий Борисов своим творчеством не вписывался в советскую систему, где искусство подчинялось материалистической идеологии, не схожей с его представлением о свободной творческой личности, что не мешало ему сочинять прекрасные стихи.

Одно из таких его стихотворений называется «Всё богатство моё – песня да гитара».

Всё богатство моё – песня да гитара,
Ласковые струны, да вечер синий,
А ещё заветная молитва,
Чтоб грехи забылись, да сбылись надежды.
Надежд у меня всего четыре:
Летом я живу в надежде на осень
А когда с зимы я устану,
То вновь на весну надеюсь.

О чём эти стихи? О надежде в его странной судьбе? Возможно. Только нет в ней ничего материального: «песня да гитара», «ласковые струны да вечер синий», «заветная молитва» да четыре перехода в состоянии лета, осени, зимы да весны. Такое ощущение, словно «надежда» у поэта витает над обыденной жизнью, она существует не в реальном времени. Думаю, что именно такая «надежда» и помогала поэту выживать.

Вот как отзывается о нём его друг, тонкий певец Валерий Кругликов:

«В быту Борисов был... как-то неудобен. Всегда или почти всегда он вызывал у меня конфликтное состояние. Его неустроенность вызывала желание избавиться от беспокойства, какая-то опасность благополучию исходила от него».

О чём это певец говорит? Что значит «как то неудобен», «желание избавиться от беспокойства», «опасность благополучию»?

А дело в том, что вся его жизнь превратилась в неустанное бегство от пошлости бытия в сферу нереальной романтической свободы. Вся духовная и душевная энергия Юрия Борисова была направлена на обретение этой недостижимой свободы. Он жил по логике сердца и хотел видеть мир через художественное окно придуманной им образности. В реальной жизни он чувствовал себя неудобно и беспокойно и боялся самого понятия благополучия, которое для него было равносильно смерти.

Поэт Юрий Борисов оказался в этом мире не равным самому себе, как телесному человеку, поэтому его бытовая принадлежность противостояла его нравственной и художественной приобщённости к миру.

Борисов ностальгически тянулся к свободе, ставшей основой его творчества, в которой создавались его стихи, полные красок, света, лучезарных образов. Стихи и романсы оформляли его жизнь, наделяли её смыслом, создавали ценностный горизонт в замкнутом с виду, но страстном внутри художнике.

Мне кажется, подтверждение этих мыслей заложено и в его стихотворении «По лугам и лесам...», посвящённом его другу Петру Константиновичу Капустину.

В то время Пётр Константинович был его старшим товарищем с семилетней разницей в возрасте, судьба которого, говоря словами Борисова, тоже «разбросала его по России».

На одном из своих немногочисленных концертов Юрий Борисов сказал:

– В общем, это его песня. Пусть, когда он за границей будет, то вспоминает её.

По всей видимости, поэт не просто считал художника своим другом, но и причислял его к людям, разделявшим с ним его поэтическое мирозерцание.

Приведём текст этого стихотворения и одновременно заглянем между строк, попробовав ещё раз понять самого Борисова.

По зелёным лугам и лесам,
По заснеженной царственной сини,
Может, кто-то другой или сам
Разбросал я себя по России.

Прекрасное видение пространственного тёплого и холодного цветного образа России создал Юрий Борисов, по которому «разбросал себя» он.

– Кто-то другой или сам... – это о ком? Думаю, что виновниками этого могли быть как конкретные люди в конкретных обстоятельствах его жизни, прятавшие его в лагерях, так и он сам, желавший поэтического устремления в красоту земли, имя которой Россия.

Я живу за верстою версту,
Моё детство прошло скоморохом,
Чтоб потом золотому Христу
Поклониться с молитвенным вздохом.

Первые две строчки превращаются в намёк на земной маршрут автора, по которому он проехал тысячи вёрст от Уссурийска до Ленинграда, от Липецка до Средней Азии ко многим казённым невольным учреждениям.

Но он не воспринимает эти обстоятельства как трагедию, нет, он воспринимает это философски спокойно, даже «с молитвенным вздохом». Это самоотречения от материальности жизни.

Моя радость под солнцем росой
Засверкает в нехоженных травах,
Отгремит она первой грозой,
Заиграет в глазах браговаров.

Он видит радость будущего через этот «молитвенный вздох», который «под солнцем росой засверкает в нехоженных травах», «отгремит ...первой грозой» и «заиграет в глазах браговаров», где красота меняет свои свойства, перевоплощается, выявляет особую щедрость, какую-то лёгкую игру в глазах.

Так приятно становится человеку от выпитого хорошего вина, и не случайно автор употребляет множественное значение слова «браговаров». Здесь цветущие явления природы превращаются в плодоносящие, где «браговары» создают такое настроение, что «тёплым вечером млеет заря над берёзой у сонной дороги».

Моя щедрость – на зависть царям,
Как награда за боль и тревоги.
Тёплым вечером млеет заря
Над берёзой у сонной дороги.

Радость перевоплощается в щедрость, как награду «за боль и тревоги».

Такое бескорыстие, такая доброта, такая беззлобность в душе реального сумрачного человека Борисова!

Я тоску под осенним дождем
Промочил и снегами забросил,
И с тех пор мы мучительно ждем,
Долго ждем, когда кончится осень.
Свою ненависть отдал врагу,
Сад украсил я нежностью легкой,
А печаль в деревянном гробу
Опустил под «аминь» на веревках.

Всё то, что мешает свободному восприятию и пониманию отношения природы и человека, он отбрасывает напрочь: «Я тоску под осенним дождем Промочил и снегами забросил», «свою ненависть отдал врагу», «а печаль в деревянном гробу опустил под „аминь“ на верёвках». Взамен этого он свой сад украшает «нежностью лёгкой».

Моя жизнь, словно краски холста, —
Для того, чтобы все могли видеть.
Оттого, моя правда чиста:
Никого не забыть, не обидеть.

И жизнь его становится похожей на яркие «краски холста», чтобы их «все могли видеть», а смысл чистой правды заключается в том, чтобы «никого не забыть, не обидеть».

Мое счастье в зелёном пруду
Позапуталось в тине замшелой.
Я к пруду непременно приду
И нырну за ним с камнем на шее.

И всё же его мечты останутся мечтами, как и «счастье в зелёном пруду», позапутавшееся «в тине замшелой».

Результат всего этого – полное растворение автора в природе. Он и к пруду идёт не любоваться, а навсегда, «с камнем на шее», нырнуть за своим счастьем.

Интересно, что в стихотворении, там, где автор выступает только от себя, стихи звучат оптимистически, а где звучат множественные нотки, они выражают прямо противоположное настроение.

Всё стихотворение воспринимается как гимн природе, светлой и полнокровной. Этого автор добивается яркими метафорическими образами, которые поражают своим количеством и оригинальностью. Вот некоторые из них: «По заснеженной царственной сини», «Моя радость под солнцем росой Засверкает в нехоженных травах», «Теплым вечером млеет заря», «Я тоску под осенним дождем промочил и снегами забросил», «Сад украсил я нежностью легкой», «Моя жизнь, словно краски холста», «Моё счастье в зеленом пруду позапуталось в тине замшелой».

Такой видит автор свою Россию, по которой разбросал он себя и свои поэтические образы, полные внутренней красоты, чуткой и трогательной силы и духа петербургской поэзии.

Это несомненно очень талантливое стихотворение, от которого на душе становится легко и проникновенно.

Весь пафос внутренней жизни Борисова – интимное таинство границ между двумя мирами – воображаемым и реальным. Он и был человеком, живущим на грани миров.

Первая любовь

Не обошла стороной восемнадцатилетнего юношу Юру и его первая любовь. Как вспоминает его сестра Ольга, девушка по имени Нина была «наша, с Петроградки», «очень красивая, стройная блондинка с голубыми глазами и тонкими чертами лица». «Она часто заходила к нам домой (на Малую Посадскую улицу), но спустя какое-то время, не знаю причины, Юра с ней расстался».

Второй его любовью была девушка Валя, с которой он познакомился на вечеринках друзей, где звучали романсы, читались стихи. Они собирались в коммуналках где-нибудь на улицах Малой Посадской, Моховой, Рубинштейна, Пестеля, Чайковского, в конце концов, на Невском проспекте, где жили соответственно Юрий Борисов, Валерий Агафонов и дружески настроенные к ним молодые петербуржцы.

Там юноши и девушки, молодые музыканты и художники, поэты и композиторы, просто любители сами создавали высокую атмосферу искусства, которой питались многие посетители этих вечеров. На вечера приходило много интересных девушек, среди которых особой красотой выделялась Валя Попова, девушка весёлая и находчивая.

Вскоре между юношами и девушками начались романы, не удержался и Юрий Борисов, предложивший Вале выйти за него замуж.

Юрий в день своей свадьбы

Та согласилась стать его женой, однако Юра неожиданно по причине отсутствия работы был обвинён в тунеядстве и отправлен для исправления на целый год отбывать свой очередной срок. Валя его не оставила и поддерживала с ним связь письменно, посылая ему бандероли.

По его возвращению из заключения летом 1977 году они поженились.

Свидетелями на их свадьбе были со стороны Юрия Валерий Агафонов и со стороны Валентины Лилия Щербакова, ставшая женой Дмитрия Тосенко.

Свадьба проходила на Малой Посадской улице. После свадьбы молодые переехали жить на съёмную комнату большой коммунальной квартиры на улице Маяковского, а затем, когда

Валентина пошла в декретный отпуск, вновь возвратились на Малую Посадскую, где для них отгородили закуток в углу.

Валя очень хотела, чтобы ребенок родился в день рождения Юры четвёртого ноября, но немного переходила свою беременность. Седьмого ноября Юра с Валею ходили к Неве на праздничный салют, а ночью он отвёз жену в родильный дом на Малый проспект Петроградской стороны, где девятого ноября 1977 года появился их сын Илья.

Фото сына Ильи в три года

Как часто в жизни бывает, если с одной стороны приходит радость, то с другой – жди беду. Так случилось и в семье Борисовых.

Ровно через два месяца восьмого января 1978 года неожиданно от кровоизлияния в мозг во сне умерла мама Юрия. Её похоронили на Серафимовском кладбище.

Юрий и Оля очень переживали эту трагедию семьи, но жизнь продолжалась.

После смерти мамы брат с сестрой решили разменять их большую двадцатисемиметровую комнату на Малой Посадской улице на две маленьких. Они хотели это сделать в то время, пока летом Валентина с маленьким ребенком ездила к своим родителям в город Калинин.

Но Юру вновь, как не нашедшего работу в течении шести месяцев, выследили и по статье «За тунеядство» отправили на лесоразработки.

Когда Валя вернулась, женщинам самим пришлось искать размен: Вале с сыном досталась комната в двенадцать метров, а Ольге еще меньше, около девяти.

Вскоре Валентина, не выдержав мытарства по лагерям своего мужа, подала заявление на развод, и их дороги разошлись навсегда. Недавние романтические отношения разбились о бытовую лодку. Юрий не смог дать женщине то, чего она ждала от любящего мужчины, и на долгое время сам остался и без жилья, и без прописки.

Получился замкнутый круг: нет прописки – нет работы, но зато есть постоянное нарушение паспортного режима. Ему приходилось искать себе место для ночлега у друзей, в художественных мастерских, подвалах и на чердаках.

Теперь лишь стихи и музыка были ему отрадой. Возможно, тогда он и написал одно из самых волнительных своих стихотворений под названием «Новогодняя».

Листики календаря не обрываю,
О будущем загадывать боюсь.
Год уходящий я не провожаю
И Новый Год встречать не тороплюсь.

Зачем себя смешной надеждой тешить,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.